

УДК 94(470+571)''17/1917''
ББК 63.3(2)5

DOI 10.22394/1682-2358-2018-1-130-135

S.M. Frolova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Philosophy of Culture and Cultural Studies Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

TRANSFORMATION OF THE EVERYDAY WAY OF LIFE IN THE REVOLUTIONARY ERA OF THE EARLY XX CENTURY

The influence of the revolutionary upheaval of the early twentieth century on the changes in everyday norms of the joint being of people is examined. It is noted that as a result of the arrival of the new government, there have been changes in the housing policy, family relations, the position of women. The conclusion is drawn that the modification of the political structure of the state contributes to changes in the everyday way of life, influences the behavior patterns, moral and ethical aspects of joint life activity.

Key words and word-combinations: everyday life, daily graft, family, way of everyday life, family relations.

С.М. Фролова, доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры и культурологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (email: frolovasvetla777@yandex.ru)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОГО УКЛАДА БЫТИЯ В РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. Рассматривается влияние революционного переворота в начале XX в. на изменение повседневных норм совместного бытия людей. Отмечается, что в результате прихода новой власти произошли изменения в жилищной политике, семейных отношениях, в положении женщины. Делается вывод о том, что модификация политического устройства государства способствует переменам в повседневном укладе бытия, воздействует на модели поведения, моральные, этические аспекты совместного бытия.

Ключевые слова и словосочетания: повседневность, быт, семья, уклад каждодневного бытия, семейные отношения.

Особенность любого общества обусловлена стилем поведения индивидов, закрепленного не в официальных нормативных актах, а в нормах обыденной жизни человека, выражающих предпочтения рядовых членов общества и обозначающих приоритетность основных социально-культурных, политических, нормативных, моральных, нравственных принципов бытия этого социума.

Модификация политического устройства государства, как правило, нарушает стабильно-устойчивую систему каждодневного бытия, преобразуя его бытовую сферу под идейно-политические установки. Несомненно, быт русского народа подвергался изменениям в различные периоды исторического развития, но наиболее кардинальными переменами, существенно трансформировавшими установленные традиции и преобразовавшими бытовые и духовные основы бытия (обойдем переустройство быта, вызванное петровскими реформами) можно считать революционные преобразования начала XX в.

В исследовании повседневности не случайно уделяется повышенное внимание домашнему быту, поскольку именно бытовая среда обуславливает своеобразие внутреннего мира человека, его организационные установки, представление о вещах, образцы поведения, которые формируют особенности повседневного уклада бытия индивида и общества в целом. Повседневный уклад бытия — образ жизни — сложно поддается изменению и оказывает сильнейшее влияние на все стороны жизни человека. Вероятно, поэтому в повседневном укладе послереволюционного общества исследователи не видят особых перемен. А.П. Овчинников подчеркивает, что «из всех сфер общественной жизни именно бытовая сфера подверглась... наименьшим переменам» [1, с. 35]. Полагаем, что с этим утверждением можно согласиться лишь частично. Не будем проводить параллели образа жизни дворянства «до» и «после», поскольку изменения в их жизни с приходом к власти большевиков очевидны. Попробуем проанализировать перемены, точнее, последствия преобразования быта в среде «победившего класса».

Сложно подвергнуть сомнению, что основополагающим началом в организации быта человека является жилище, дом. В своем исследовании А. Шютц не случайно называет Дом «исходной точкой» или «нулевой точкой системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы сориентироваться в нем» [2, с. 209]. Согласно М. Маклюэну, изменение формы внутреннего жилищного пространства свидетельствует о «новом мировоззрении» и изменении быта, что впоследствии вносит изменения в деятельность субъекта, «переупорядочивает образцы человеческой ассоциации и общности» [3, с. 141]. После Октября 1917 г. жилищная политика новой власти была определена не только идеологическими факторами, но и нехваткой жилья. В.И. Ленин, размышляя о перевоспитании приверженцев пережитков прошлого, пишет: «Пролетарскому государству надо принудительно вселить крайне нуждающуюся семью в квартиру богатого человека. Наш отряд рабочей милиции <...> является в квартиру богатого, осматривает ее, находит 5 комнат на двоих мужчин и двух женщин. — «Вы потеснитесь, граждане, в двух комнатах на эту зиму, а две комнаты приготовьте для поселения в них двух семей из подвала. На время, пока мы при помощи инженеров (вы, кажется, инженер?) не построим хороших квартир для всех, вам обязательно потесниться. Ваш телефон будет служить на 10 семей. Это сэкономит часов 100 работы, беготни по лавчонкам и т.п...» [4, с. 314]. Это и послужило началом изменения условий проживания граждан в период «первой фазы коммунистического общества», заверше-

ние которой (имеется в виду расселение коммунальных квартир и получение отдельной жилплощади) потомки первых жителей коммуналок с трепетом ожидают и в наши дни.

Понятие «коммунальные квартиры» появилось задолго до октябрьского переворота, но масштабное их применение на практике в условиях XX в. было свойственно только России. Совместное проживание в домах-коммунах, или «коммунах-общежитиях» (по Н.Г. Чернышевскому), трактовалось большевиками как «новая модель человеческих взаимоотношений» [5, с. 117] и предполагало не только изменение уклада повседневного бытия, но и моральную перестройку граждан нового государства. Понятно, что выбранный способ обеспечения жилой площадью, кроме неудобства и неудовлетворенности новыми условиями быта, ничего не вызывал. Если к этому добавить постоянные конфликты на общих кухнях, очереди в места общего пользования, принудительное существование людей с разными социальными и идеологическими взглядами, низкий уровень жизни, то обстоятельства проживания в новых жилищных условиях будут вполне ясны.

Когда большевики в начале 1920-х годов начали расселять рабочих в порядке «революционного эксперимента в повседневной жизни» [6, с. 162] в «барские» дома, те нередко отказывались от новой жилплощади, так как, во-первых, эти огромные жилища нечем было отапливать, во-вторых, далеко было добираться до фабричных окраин из-за отсутствия транспорта. К тому же рабочие не понимали смысла такого переселения, они были не готовы к нему психологически и «испытывали дискомфорт в новой обстановке»; городская квартира «отличалась от устройства маленького домика на окраине, где были и погреб, и подвал, и колодезь во дворе. Отсутствие этих привычных «удобств» любой окраины заметно осложняло жизнь пролетарских семей на новом месте» [7, с. 26], лишало их привычных устоев. В результате оказалось что «...у многих квартиры залиты нечистотами. Водопроводы и уборные не действуют. Для последних отводятся пустующие комнаты. За недостатком дров сжигается последняя мебель, срываются двери, разламываются потолки» [6, с. 27]. Кроме того, бесплатное и «ничейное», особенно в отношении жилья, которое всегда ассоциировалось в сознании человека как личная защита от внешнего и постороннего, не могло рассматриваться как устойчивая величина повседневной жизни, поэтому была подвержена разрушениям.

Катастрофическая нехватка средств для поддержания в надлежащем состоянии экспроприированных зданий вела к их запустению; непрофессиональная перепланировка бывших апартаментов и несоответствующее санитарным нормам их использование негативно сказались на состоянии практически всех строений, отданных под жилищный фонд. Исследователями отмечается, что «в процессе национализации многое от неразумения и некультурности за ценности не принималось, растаскивалось, расхищалось и уничтожалось... В барских домах устраивались клубы, школы, но эти постройки быстро ветшали и разрушались [8], что привело к разрушению исторических памятников архитектуры. Как известно, не построенное своими руками не ценится, а если здание находится в коллективном пользовании,

то каждый считал возможным не заботиться о разумной его эксплуатации. В этом — основа разрушения уклада бытия, поскольку нарушаются традиционно-привычные правила повседневной жизни, базирующиеся на бережном отношении к тому, чем владеешь сам и что находится в собственности других. Тем самым были трансформированы важнейшие для русского человека организационные начала, заложенные крестьянской общиной способствовавшей накоплению богатейшего опыта принятия совместных решений, и семейными традициями.

Начало разрушению патриархальных представлений о семье и семейных традициях было положено утопическим убеждением большевиков об отмирании семьи в недалеком будущем, их верой в то, что на смену устаревшему институту семьи в скором времени придут другие, заменяющие ее институциональные формы. Новая власть внесла изменение в само понимание института брака, теперь он стал трактоваться как равноправный союз двух товарищей, в котором женщина сохраняет экономическую, духовную, моральную и сексуальную независимость. Принцип «полового либерализма», определяющий право независимого «самоопределения» закрепился в модели новой морали, основы которой были заложены А. Коллонтай, имя которой также связывают с теорией «стакана воды» — удовлетворение сексуальной потребности без каких-либо «условностей».

Впоследствии границы гендерного порядка были тщательно отредактированы, была проведена серьезная работа над моральным обликом советского гражданина в плане исправления «буржуазных взглядов» на вопросы межличностных отношений, что обусловило возврат (конечно, с четко обозначенным идеологическим подтекстом) к патриархально-традиционным нормам половой морали. Отметим, что произошедшее в первые годы советской власти юридическое раскрепощение женщины и распространение свободного брачного союза повлекли заметные изменения в укладе семейной жизни, что, возможно, не ограничивалось только политикой новой власти, а являлось требованием экономического и исторического развития, обусловившим необходимость активного вовлечения женщин в сферу наемного труда и общественной жизни.

Включение женщин в общественную трудовую деятельность способствовало трансформации ролевых стереотипов женщины, занимавшейся до революционных преобразований преимущественно домашним хозяйством; теперь она могла (а в некоторых случаях вынуждена) идти работать. Совершенствование профессиональных навыков «слабой половины» благоприятно сказывалось на уровне ее заработной платы, что не только существенно пополняло семейный бюджет, но способствовало перераспределению ролей и изменению статусных позиций внутри семьи.

Экономическая независимость в отношениях между супругами в этот период была обусловлена не только борьбой за права женщин, но и нехваткой рабочих рук. Первая мировая война, а впоследствии и Гражданская война сократили численность мужского населения, что вызвало рост числа неполных семей. Но даже при полном (в традиционном понимании) составе

семей женщина стала активно вовлекаться в процесс «строительства нового общества».

Исследователи отмечают: «Середина 20-х годов характеризуется ломкой традиционно-бытового уклада, резким ослаблением влияния церкви, что было особенно характерным для рабочей семьи. Перестали соблюдаться посты, участились случаи гражданских обрядов при рождении детей. Типичным явлением были поиски новых бытовых и обрядовых форм: стали устраиваться комсомольские свадьбы, октябрины (праздник по поводу рождения ребенка). Однако в целом семейный быт был еще очень противоречив» [9] и во многом институт церковного брака и традиционный уклад семьи сохранялись.

На наш взгляд, разложению вековых семейных устоев способствовали одобряемые и провоцируемые властными структурами разделение на «белых» и «красных», отказы детей от своих родителей, «не соответствующих» требованиям советского общества по классовому признаку. Такое разрушение «брачно-семейного единства» способствовало наибольшей трансформации существующих прежде установок каждодневного со-бытия людей [10, с. 185]. Тем не менее, несмотря на существенные изменения, семья оставалась и по-прежнему остается главной опорой современного человека, помогающей в преодолении сложных онтологических ситуаций. Вероятно, в «условиях социальной нестабильности упрощение браков и разводов и отмена официальной оценки свободной любви... в чем-то облегчила жизнь городского населения, особенно молодежи, позволяя приспособливаться к непростым условиям существования» [11, с. 4], но такая модификация межличностных отношений, как позже выяснилось, была не нужна ни простому обывателю, ни новой власти, ни обществу в целом.

Итак, нововведения большевиков так и не смогли существенно изменить в лучшую сторону жизнь простого обывателя: семьи, переселенные в барские усадьбы, не обрели желаемого благополучия; женщины, вовлеченные в активную трудовую деятельность, получали еще большую нагрузку, так как вынуждены были совмещать работу на производстве с повседневным ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей. Но политика новой власти, уравнявшей в правах женщин и мужчин, обеспечившей всеобщую грамотность, а также бесплатное образование и медицину, оказала значительное влияние на развитие общества, и не только российского. Так, российский лауреат Нобелевской премии академик Ж. Алферов в беседе с представителем популярной в России газеты «Аргументы и факты» вспоминает беседу с отцом своего друга профессора Н. Холоньяка, заметившего, что в начале XX в. рабочие в шахтерском городке возле Сент-Луиса «...жили и работали в ужасных условиях. Но после того, как русские рабочие устроили революцию, наши буржуа испугались и изменили свою социальную политику...» [12, с. 3]. Делается заключение о том, что благодаря событиям Октября 1917 г. положение американских рабочих резко улучшилось, чего не произошло в положении рабочих в России.

Итак, уклад каждодневного бытия, изменившись в новых условиях, вопреки прогнозам не стал кардинально новым. Многие традиции были сохранены

или встроены в требуемые практики новой власти, некоторые «старые» формы уклада в завуалированной форме присутствовали в жизни и до настоящего времени существуют в бытии простого обывателя как неотъемлемая его составляющая.

Библиографический список

1. *Овчинников А.П.* Быт и политика: советское государство и революционная перестройка быта в 20-е гг. XX века (к проблемам истории государственного управления) // Вестник СамГУ. 2007. № 3 (53). С. 34–42.
2. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.
3. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2011.
4. *Ленин В.И.* Удержат ли большевики государственную власть // Полн. соб. соч. Т. 34. URL:<http://leninism.su/works/73-tom-34/1702-uderzhat-li-bolsheviki-gosuda%01tvennyu-vlast.html>
5. *Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.
6. *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003.
7. *Бойм С.* Общие места: мифология повседневной жизни. М., 2002.
8. Влияние Октябрьской революции на дальнейшую судьбу русской культуры. URL: <https://megalektsii.ru/s2622t1.html>
9. Изменение семейных отношений у русских после Великой Октябрьской революции. URL:<http://lib7.com/cccp/493-semeinue-otnoshenija-gys.html>
10. *Фролова С.М.* Идея соборности и ее кризис в период советской действительности // Известия Саратовского университета. Новая сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Вып. 2. С. 183–188.
11. *Сотникова С.А.* Семья и брак в период Гражданской войны в России в 1917–1922 годы: социальная специфика и ментальность // Сервис plus. 2009. № 4. С. 3–7.
12. *Писаренко Д.* Как сделать науку нужной? Интервью с академиком Ж. Алферовым // Аргументы и факты. 2017. № 46.